

Н. Ф. СКАРСКАЯ
П. П. ГАЙДЕБУРОВ

НА СЦЕНЕ И В ЖИЗНИ

Страницы
автобиографии

Познакомилась с Чеховым. Если бы вы только знали, как он симпатичен! Завтра вечером для него будет репетиция первого и второго актов, а утром в первый раз репетиция третьего.

Чехов нашел, что я очень похожа на Веру. Спрашивал про нее и говорил, что он большой ее поклонник. Как я буду играть при нем?! У меня совсем не выходит монолог в первом акте, — я его не чувствую и потому скажу: отвратительно!.. А сколько мне придется в роли Сони плакать и смеяться — я это еще так плохо умею! Главное — последний монолог. Там должны литься слезы рекой. Станиславский настаивает на этом.

Когда-то отец отвел меня к Рыкаловой. Она меня прослушала и в заключение нашего свидания, сделав мне несколько указаний и дав несколько советов, показала, как актриса

должна уметь смеяться и плакать — слезы без всяких приготовлений так сами и полились у нее из глаз. Этого мне никогда не забыть и никогда, кажется, не овладеть таким искусством, каким владела Рыкалова!»

На репетиции, показанной Чехову, Надежда Федоровна справилась с трудностями, о которых писала. Чехов, во всяком случае, остался доволен ею и на просьбу дать указания для дальнейшей работы над ролью высказал одно только пожелание — приглушить слезы в сцене ссоры дяди Вани с профессором. На предварительных репетициях Скарская просила о том же Станиславского, но Константин Сергеевич не уступал. Мнение автора оказалось в этом разногласии не на стороне режиссера.

На том тогда и закончились репетиции «Дяди Вани».

Вернувшись в Петербург, Надежда Федоровна не забыла своего обещания и подробно рассказала мне об особенностях постановки. Ни она сама, ни я не могли бы дать себе отчета в том впечатлении, которое производило на нас небывалое еще тогда построение спектакля. Дурно ли оно было по режиссерскому замыслу, как утверждали староверы, или же гениально, мы бы не могли определить для себя: это было необыкновенно ново. Но и сказать так значило бы ничего не сказать. Те понятия, которые сложились в нашем представлении об искусстве театра, рушились, как карточный домик, и на их месте приходилось создавать нечто новое. Художественный театр в своей работе над «Дядей Ваней» стал нам очень дорог. Искусство его актеров как бы перерастало обычные рамки. В новшествах Станиславского мы чувствовали попытку вдохнуть в театр кипучую, полнокровную, вечно изменяемую жизнь.

Интересуясь подробностями сценического истолкования чеховской Сони, я просил дать мне развернутую экспозицию исполнения Надежды Федоровны. К своему рассказу она приступила не очень охотно. «Насколько легко почувствовать такое создание, настолько трудно рассказать его». А я не унимался:

— Как вы представляете себе самую главную, самую важную, самую характерную черту роли?

— Я назвала для себя «светом» то, что несет в своей душе Соня сквозь самые темные стороны окружающей жизни, — ответила мне Скарская. — Но дело, конечно, не в слове — им я хотела определить для себя ту нравственную силу, которую Чехов вложил в созданный им образ девушки.

Силою своего «света» Соня делает настолько прозрачным густой сумрак окружающей ее действительности, что сквозь

него ей ясно видится будущее, и она идет ему навстречу с непоколебимой верой в него. Оттого неугасимый огонек, который теплится в сердце моей Сони, не может не побеждать рассудочного и холодного пессимизма, опустошающей силы обывательщины, ядовитого дыхания пошлости. Соня не вступает с ними в активную борьбу, она на это неспособна, но она освещает на своем пути зло, и оно отступает перед нею, как отступает тень перед светом.

Соня не одна. Рядом с нею живет человек, вконец издерганный жизнью. Возненавидевший ее. Возненавидевший людей настолько, что высшим наслаждением для него становится возможность изливать на них желчь наболевшей и опустошенной своей души. Человек, для которого жизнь стала пустыней и которым владеет одно желание — перестать чувствовать себя самого. Человек, для которого смерть стала ценнее жизни. Этого человека Соня превращает в покорного ей ребенка. Что дает ей силу для этого? Ее вера в будущее, ее вера в человека.

Соня — живое, юное создание. Она сознает свое неотъемлемое право на счастье здесь, на земле, теперь, сейчас, пока в ней кипит неизрасходованная еще сила молодого чувства, пока ее восхищает мысль о живом, красивом, творческом труде. Но прошло время, чаша ее страданий переполняется, последняя надежда на счастье убита, впереди не остается ничего, кроме серого существования и безрадостного, бессмысленного, подневольного труда поденщицы. Меркнет свет. Мрак жизни обступает ее со всех сторон, непереносимая тяжесть сдавила грудь, и это страшное крушение выражается в одном слове: «уехал». Она роняет это слово, проводив Астрова, и ей кажется, что жизнь остановилась, что мир опустел, что в нем не осталось ничего, кроме нее самой и ее горя.

Это была минута слабости. Она казалась непреодолимой, но стоило Соне услышать возле себя слова, похожие на стон, ее больного дяди Вани: «Как мне тяжело», — чтобы силы вернулись к ней. Ведь он, дядя Ваня, совсем беспомощен без нее. Ярче прежнего озарила ее вера эту темную сторону жизни, и опять пробудилось сознание: никакому злу не заслонить собою сверкающие дали, к которым идут люди, — только бы внушить эту веру измученному, страдающему дяде Ване! Она наклоняется к нему, она берет его руку, и слова, полные прежней силы, льются из ее души. Она говорит, и с каждым словом чувствует все ярче, все яснее дыхание тихой, нежной, сладкой, как ласка, жизни, в которой люди отдохнут от дальнего и трудного пути, — отдохнут и увидят небо в ал-

мазах, и сами станут прекрасны, как небесные ангелы. Но теперь надо трудиться, надо жить, надо помогать жить другим, каких бы страданий и слез это ни стоило.

Я записал эти слова и мысли с возможной точностью. Они относятся не только к творческой биографии артистки, но и к работе театра над воплощением пьесы Чехова в первой сценической редакции.

Я получил от Надежды Федоровны более или менее точное представление о постановке спектакля в целом, хотя по новизне и по моей неопытности еще очень плохо умел в нем разобратся. Хотелось еще много говорить о нем, расспрашивать, доискиваться, но отпуск Надежды Федоровны промелькнул, как сон, и она снова уехала в Москву, уже на весь зимний сезон.

Случилось так, что вскоре и я переступил порог профессиональной сцены, но этому предшествовали не совсем обычные обстоятельства о них мы и поведем речь в следующей главе наших воспоминаний.